

ПЕТР КАВЕЦКИ

(Гданьский университет, Польша)

Идеи Канта в современной польской философии

Целью настоящей статьи не является фиксация всех следов кантовских идей, которые можно обнаружить в современной польской философии. Иначе говоря, мы ограничимся здесь только указанием сходства между мышлением кенигсбергского философа, отраженным на страницах «Критики чистого разума», и польскими философами.

Климат кантовской философии во многих случаях оказался для них естественным фундаментом философского мышления, и поэтому современные польские философы не только не осознают того, что говорят языком Канта, но даже не считают нужным отдавать себе отчет в такой очевидности. Особенно потому, что язык, которым они пользуются, имеет форму, соответствующую современному способу философствования.

Совокупность концепций Канта предстает перед нами в виде рационального и радикального разрушения мифа, согласно которому мы общаемся с внешним миром без какого-либо посредничества. Это одновременно обозначает принятие онтологического тезиса о сосуществовании двух различных сфер, из которых только субъектная сфера может стать предметом каких-либо суждений. Объективный мир, принципиально «постижимый» при посредничестве понятий, без абсолютной уверенности относительно того, какова его действительная форма, определяет возникновение и продолжение процесса концептуализации (познания). Для Канта существование познающего сознания кажется невозможным без существования внешнего мира, но это не означает, что «предметы» этого сознания имеют реальные эквиваленты, существующие вне субъекта, а если существуют, то у нас и так нет доступа к их настоящей природе.

Кантовская взаимозависимость между формами априори и апостериори напоминает то, что позже приобрело вид отношения между формальным языком теории и самой теорией, истолкованной семантически (на базе правил *априори*)¹. Они устанавливают содержание, иначе — значение «чистого» сенсуального материала, придавая им понятийную, или, иначе говоря, — семиотическую форму. В состав этих априорных форм семантической интерпретации могли бы входить, например, дефиниции, устанавливающие универсум, денотативные дефиниции, или дефиниции истинности. Благодаря им можно получить область, подчиненную данному языку. Иначе говоря, перефразируя Канта, форма явлений получает свое содержание. Эти правила, как прямо заявляет автор «Критики чистого разума», являются результатом познавательно-классификационной актив-

ности субъекта в отношении эмпирического материала, присутствующего в нем в виде ощущений. Субъект, устанавливая значения, преобразуя, связывая, разделяя и т. п., «добавляет» не что от себя, что не помещается непосредственно в его субъективной регистрации «присутствия» внешнего мира, или в ощущениях. Разного рода трансформации, производимые в силу чисто от-субъектных, внеэмпирических правил и дефиниций, ведут к получению знания, т. е. предугадыванию или проектированию фактов, которые пока не присутствуют в виде «чистых» ощущений, истолкованных семантически. Надо подчеркнуть, что интеллектуальная способность конструирования семантических моделей не состоит только в применении логических тавтологий (эквивалентов кантовских эстетических суждений *априори*), но «добавляется» здесь самое главное, а именно внелогические постулаты (эквиваленты синтетических суждений *априори*), которые вместе с остальными преобразовываются согласно дедуктивным правилам. Кант называет априорной ту операцию, в которой первым познавательным шагом в ходе конструирования любой семантической модели является установление универсума и — независимо от логических тавтологий — принятие определенных внелогических аксиом. Поэтому — хотя это уже некоторый педантизм — стоит напомнить значение понятия *априори*. В теории познания оно обозначает «определение утверждений, признанных истинными независимо от опыта, причем эта независимость означает логическое, а не временное отношение»². Таким образом, Кант неслучайно, помня о сходных значениях *априори*, этим определением обозначает вышеупомянутые правила. Предложенная им дефиниция, которая говорит о том, какого рода объектами занимается естествознание (его времен — добавим), по содержанию приближается к тому же виду дефиниций, какой в наше время выступает в так называемой стандартной семантической модели, учитывающей единичные физические объекты, занимающие определенные временно-пространственные позиции. Априорными являются также внелогические аксиомы физики. Автор «Критики чистого разума» иллюстрирует это примером утверждения об акции и реакции объектов, которым присуща трехмерная протяженность.

Кажется, что к естествознанию в изложении Канта можно подойти как к примеру одной из областей знания и сказанное о нем может быть распространено на другие формы символических поведений. Ибо априорическим понятиям принадлежит более широкий смысл, чем тот, который вытекает непосредственно из методологического анализа принципов конструирования языков в точных науках. Потому что мы можем — согласно традиции времени, в котором жил Кант, — выйти за пределы познания, понимаемые в узком смысле, и сказать (сохраняя примат априорных форм над апостериорными), что познание в точном, научном смысле основано — независимо от присутствующи-

щих в нем апостериорных форм, например, в виде синтетических суждений — на *априорных* утверждениях, которые являются более первичными, чем, например, дефиниции, определяющие универсум естествознания. Ему предшествуют чаще всего *implicite*, некоторые предпосылки, которые хотя не рассматриваются в качестве обоснования онтологии науки и не являются частью этой последней области знания, составляют, однако, ее «онтологический фон». Иначе говоря, прежде чем научная теория как целое становится комплексом описательных суждений о мире, устанавливающим какую-то связную картину, т. е. прежде чем в науке появятся в принципе дескриптивные теоретико-методологические решения, должен существовать тот культурный «онтологический» фон, который делает возможным формулировку («изобретение») вышеуказанных правил. Науке предшествует то интеллектуальное пространство, которое Маннхейм называет «фундаментальной онтологией» (а мы — предтеоретической).

Принятие во внимание этой онтологии отвечало бы кантовскому разделению знания на эстетику, трансцендентальную аналитику и трансцендентальную диалектику. Первая была бы эквивалентом предтеоретической онтологии, которая дает возможность возникновения решений в области трансцендентальной эстетики, т. е. интеллектуальных основ, необязательно осознаваемых, необходимых для формулировки решений онтолого-семантических теорий. Трансцендентальная эстетика же была бы эквивалентом правил, на основе которых строится семантическая модель данной теории (благодаря чему она может получить эмпирическую интерпретацию).

Казимеж Айдукевич³

Без сомнения, может быть неожиданным появление фамилии этого великого польского философа в контексте Канта, главным образом в контексте его концепции априорных форм. Ибо речь здесь идет о трактовке в его ранних работах языка и связанной с ним проблематики значения и (в крайнем случае) его отношения к миру.

Казимеж Айдукевич в начале тридцатых годов, в период невероятного расцвета польской философии, написал три основные и совсем сегодня забытые работы по широко понимаемой философии языка, несмотря на то, что некоторые из них, как в случае генеративного языкознания, появляются в современных работах (по крайней мере в примечаниях). Говорится о них чрезмерно редко по нескольким причинам. Они повлияли на то, что «*Sprache und Sinn*» (1934), «*Das Weltbild und die Begriffapparatus*» (1934), а также составляющая основу для тех работ, сочиненная на польском языке статья «*O znaczeniu wyrazów*» (1931) почти отсутствуют в научной литературе, по крайней ме-

ре в апологетическом виде⁴. Одна из причин умалчивания или недооценки этих работ имеет, в известной степени, личную подоплеку. Их автор, подвергаясь сильному влиянию работ Тарского, с которым дружил, отбросил свои собственные взгляды по поводу семантических парадоксов, от которых не смог освободиться. Айдукевич забросил исследования, что равнялось подчинению «давлениям» со стороны новой парадигмы в философии языка, от которой он пытался освободиться в своих последних работах.

Основная вещь, которая сразу бросается в глаза в работах «раннего» Айдукевича, это его выход за пределы традиционного (по крайней мере, сегодня) расположения структуры языка, делящего язык на грамматику и семантику, причем познавательный примат оставляется за этой последней. Польский философ учитывает довольно банальное наблюдение, которое пропускается в формальных размышлениях над языком: язык употребляется — и это факт, принадлежащий к сфере философии языка, а не метафизики или риторики. Айдукевич подчеркивает, что мы пользуемся языком независимо от того, какую информацию он передает, и что факт употребления языка не влияет на содержание вещей во внешнем мире (т. е. на отнесенность содержания информации к экстралингвистической действительности). Айдукевич говорит: «Тот, кто идентифицирует значение названий с их коннотацией, ищет значений в объективной сфере, в признаках предметов, являющихся десигнатами этих названий. (...) ассоциационисты и другие усматривают значение в чем-то психологическом. Наша собственная попытка уловить то, в чем состоит значение названий, будет направлена на поиски этого значения в самом языке»⁵.

Язык, по Айдукевичу, состоит не только из словаря и принципов синтаксиса, но и из определенных добавочных правил. Чтобы пользоваться им, недостаточно употреблять слова, находящиеся в его словаре, и укладывать их согласно грамматическим правилам. Сконструированные таким образом языковые формы мы можем признать предложением (или выражением) данного языка только тогда, когда совмещенные в нем директивы позволяют считать эти лексикально-грамматические образования принадлежащими языку, из которого эти директивы происходят. Эти правила не должны ассоциироваться никаким образом с психологией языка. В работе Айдукевича они приобретают вид так называемых «семантических директив». Их роль чисто лингвистическая. Она состоит в том, что «речь идет здесь об уверовании в определенное предложение», т. е. в некое словесное образование, а не о чем-нибудь другом. Следовательно, речь здесь не идет о том, что индивид, владеющий только немецким языком, не в состоянии при виде пожара поверить, что *горит*, но о том, что индивид, владеющий только немецким языком, не способен при виде пожара поверить в предложение «го-

рит». *Вера* в данное предложение (выражение) — это не что другое, как применение словаря, грамматики, семантических директив (употребление), т. е. признание значений языка, в котором эти директивы их определяют. Это происходит независимо от того, в каком отношении он находится к внешнему миру, потому что понимание иностранцем слова *горит* не зависит от того, горит ли действительно, но от того, знает ли он правила, определяющие значение этого слова. По этой причине в концепции значения «раннего» Айдукевича вообще не появляется вопрос о связях языковых выражений с миром, характерный для (семантической) теории референции. Таким образом, здесь не существует дуализм «субъект (язык) — предмет (объективная внеязыковая действительность)».

Не должно нас вводить в заблуждение то, что среди трех видов семантических директив Айдукевич выделяет также эмпирические. Сам факт появления такого названия еще не дает нам основания для формулировок абсолютных суждений на тему мира. Также и в этом случае мы не покидаем сферы языка и не вторгаемся в пространство дуализма Декарта, отвергнутого Кантом. Семантические эмпирические директивы являются видом языковых директив. Они говорят только о формах выражений (предложений) и об акцептировании их как принадлежащих к данному языку. Они не относятся к миру, самое большее — являются его картиной, воображением, выраженным в данном языке. В разных языках эти директивы могут выглядеть по-разному или вообще отсутствовать. Их комплексы и, следовательно, определяемые ими значения могут быть разными. Такие отдельные семантические структуры Айдукевич называет понятиями аппаратами. Обращаясь все время на языковом уровне, мы не можем говорить об истинности какого-то аппарата относительно других, потому что это было бы равнозначно утверждению, гласящему, что английский язык «истиннее» немецкого. Оба языка равноправны, хотя внутри их структур могут существовать своеобразные меры истинности. Сказанное относится также к неэмпирическим суждениям, потому что вместе со смелой аппарата может меняться акцептированная логика. Айдукевич свою концепцию не очень удачно назвал крайним конвенционализмом, что в контексте реалистических тенденций, основанных на мифе дуализма Декарта, привело к ее аксиологическому отвержению.

Флориан Знанецки

В книгах польского философа и социолога Флориана Знанецкого — «Введение в социологию» (1922) и еще более ранней «Cultural Reality» (1919) — мы можем встретить, возможно, впервые в современной философской мысли тезисы, которые решительно подвергают сомнению примат естественных наук над

другими научными дисциплинами. Эти науки входят в диапазон более широкого множества — культуры. Она составляет сферу действительности, которая характеризуется тем, что она нам дана, т. е. зависит от человеческого сознания. В ее состав входят все области человеческого существования, которым сопутствует мысль (а не только язык), и поэтому она охватывает не только науки о природе, но и искусство, религию, экономику, политику, обычаи, язык и т. д.

Знаниецки, действуя по кантовскому внушению, обогащает свою теорию, добавляя к «чистому разуму» интерес к действиям, актам субъекта. Польский теоретик предпринял попытку переступить границу, делящую два мира, разграниченных Кантом: внесубъектной действительности (отличающейся только тем, что она существует) и пассивного по отношению к ней (в смысле постижения окончательной истины об этой первой сфере) сознания познающего, но и действующего субъекта. Это усилие направлено не только на ликвидацию барьера эпистемологического дуализма, разграничивающего субъект и объект познания, но и онтологического барьера между этими мирами (по крайней мере, формально, как оговаривается Знаниецки)⁶. Можно, следовательно, сказать больше, потому что эта трансгрессия не является простой редукцией: внешний мир — для создателя *ноуменов* непосредственно не доступный, но неоспоримо существующий — был в определенном смысле элиминирован. Чужие по отношению к себе, хотя и необходимые сферы: мир «природы для самой себя» и мир «мыслей о мыслях», возбуждаемых этим первым, — взаимно переплелись, стали почти тождественными, по крайней мере, взаимозависимыми. Мир природы появляется перед человеком как мир «сделанный», т. е. как действительность, в которой происходит действие, в то время как у Канта его присутствие сигнализировалось ощущениями, точнее, мысленно препарированным опытом. По сути, действия, внешние по отношению к мысли субъекта, еще более отдалились или прямо заменили эту объективную, находящуюся за пределами человеческого вмешательства действительность. Неожиданности, на которые наталкивается мысленно действующий субъект, не являются сопротивлением «чистой» реальности. Они, по существу, являются побочным продуктом мыслящего действия, т. е. в результате — субъектным образованием. Объективная действительность у Знаниецкого не существует, и если наука иногда говорит что-то наоборот, то эта объективность только формальная (гипотетическая, как будто условная).

Тем не менее, хотя дуальная оппозиция объект — субъект была устранена, это не означает, что отношение между этими оппозиционными членами вообще не действует. Члены, находящиеся до сих пор в оппозиции, в концепции Знаниецкого взаимно воздействуют друг на друга благодаря тому, что продукт действия проявляется за пределами мысли, которая руководит этим

действием. Действия, проекции мысли субъекта вне его самого, можно, однако, свести к понятиям или символам, возникшим как эффект действий, регулированных другими, более ранними понятиями.

В конечном итоге редукция того, что мы признаем объективной действительностью, к символической действительности возможна только тогда, когда мы осознаем, по Знаниецкому, что это только предпосылка, а не объективная правда, когда мы говорим: «Явления природы даны исследователю как автономные, как *ничьи*»⁷. На самом деле они всегда чьи-то, они существуют только и исключительно в субъектных категориях. В крайней формулировке предметом человеческого познания (особенно научного) является получение знаний на тему дефиниции, понятий, символов. Предметная соотнесенность, входящая в состав семантических моделей, является также понятием, хотя очень охотно, согласно вышеупомянутой предпосылке, принимается за, по крайней мере, образ действительности. Однако, как говорит Знаниецки: «Миф, произведение искусства, слово речи, юридическая схема, орудие труда, общественный строй основывают свой статус на том, что они являются сознательными человеческими явлениями. Мы познаем их только в соотнесении с известным или гипотетически сконструированным комплексом опыта и действий тех эмпирических, ограниченных, исторически и социально обусловленных индивидов или множеств сознательных индивидов, которые их создали и которые ими пользуются»⁸. Без так называемого гуманистического коэффициента (понятие, предложенное Знаниецким, которым сейчас пользуется познательская школа) нет мифа, «материи» и т. д., и поэтому «ясно, — говорит философ — что стоя на позитивной точке зрения, строго эмпирического гуманитарного знания, генетическое выведение культуры из природы является научно невозможным»⁹. Это тем более невозможно по отношению к понятиям, основывающим данную культуру, и, собственно говоря, предметной соотнесенности, например, «материальный мир», «природа», «материя» и т. д.

Роман Ингарден

Еще одним современным философом, мысль которого находится под влиянием кантовской, является польский феноменолог Роман Ингарден. Как известно, феноменология была тем руслом в немецкоязычной философии, которое вслед за Brentano, учителем Гуссерля, выступало против классической немецкой философии, отцом которой был Кант. Однако Ингарден неоднократно обращался к философии Канта, в частности, к «Критике чистого разума».

Польский феноменолог, противопоставляя свое видение этого течения мысли во время своих лекций в Осло, отметил, что

одной из исходных точек феноменологии было состояние, в каком находилась философия после Канта. Было признанным, что единой соответствующей формой философии является философия априористическая, т. е. апеллирующая к априорным формам и категориям. Однако в результате «это, к сожалению, привело к возникновению стены между нами и действительностью (...), так что вещь в себе оставалась, собственно говоря, недоступной. Эту стену надо было как-то пробить»¹⁰, потому что в другом случае оставалась только тропинка эмпирического познания, ссылающегося на естественные науки; философия же становилась лишней областью знания, которая не имела своего предмета исследований. Это положение вещей феноменология пыталась изменить. Решение, которое эту стену позволило пробить и которым эта форма философии воспользовалась, пришло со стороны А. Бергсона. Здесь использовано замечание, что между «необработанным сенсуальным материалом» и моментом, когда он оправляется в раму времени и пространства, становясь явлением, существует «пробел», ибо тот материал присутствует в сознании субъекта. По Канту, этот материал немедленно упорядочивается априорными формами, как только он появляется в поле сознания. Итак, в действительности «чистый» сенсуальный материал не существует. Он не дан человеческому сознанию в чистом виде. Тем самым мы, однако, лишаемся возможности достичь состояния сознания, когда априорные формы не интервенируют непосредственно. Ведь это возможно, потому что данные формы относительны, т. е. изменяются в рамках данной культуры. По существу, они фальсифицируют мир, с которым субъект в своем сознании непосредственно общается, ибо подчиняют его своим изменчивым формам. К этой позиции близок был Гуссерль, но с ним не соглашался Ингарден, который утверждал, что даже в области первичных данных невозможно отрицать появление априорных категорий. Ибо проблема заключается в том, что в случае принятия позиции, близкой к Бергсону, мы не сможем решать, ощущает ли и осознает ли субъект то, что является сенсуальным данным, или это данное он уже преднаходит в себе как от него не зависящее. Для Ингардена такое положение неприемлемо, потому что оно исключало бы существование самосознания субъекта. Ибо оно предполагало бы, что в субъекте может что-то происходить — например, может течь непрерывный поток ощущений, которых он не осознает. Это, в крайнем случае, исключало бы возможность переживания данных актов как интенциональных. Однако в действительности (и в этом заключается решение вопроса польским феноменологом) феноменальный мир Канта, это «второсортный» мир, возникающий вследствие возбуждения субъекта миром вещей в себе и определяемый априорными формами, будучи миром, «в котором мы живем», является не чем иным, как только «совокупностью интенциональных предметов нашего опыта»

и существует несамостоятельным образом»¹¹. Этот мир гетерономен, т. е. он зависит от объективного идеального мира, к которому онтологически относятся чистые интенциональные предметы.

¹ Kawiecki P. Symboliczny charakter wiedzy a przedmiot poznania// Gdanskie Zeszyty Humanistyczne. R. 27. N. 31.

² Mały słownik terminów filozoficznych. Warszawa, 1983.

³ Ajdukiewicz K. Sprache und Sinn//Ajdukiewicz K. Das Weltbild und die Begriffsapparatus. Erkenntnis 4, 1934. S. 259—287; Ajdukiewicz K. O znaczeniu wyrażań//Język i poznanie. T. 1. Warszawa, 1985.

⁴ Ajdukiewicz K. O znaczeniu wyrażań. Op. cit. S. 32.

⁵ Ibid. S. 126.

⁶ Znaniecki F. Wstęp do socjologii. Poznan, 1922. S. 32.

⁷ Ibid. S. 31.

⁸ Ibid. S. 33.

⁹ Ibid. S. 34.

¹⁰ Ingarden R. Wstęp do fenomenologii Husserla. Warszawa, 1974. S. 48.

¹¹ Ingarden R. Spór o istnienie świata. Warszawa, 1987. T. 1. S. 181.

Перевод с польского Б. Жилко.

* * *

Ю. Я. ДМИТРИЕВ

(Кафедра философии РАН)

Теория категорий Иммануила Канта

Эта проблема является центральной в теоретическом наследии Канта, что обусловлено рядом моментов. Во-первых, местом и ролью, которые придавал ей сам Кант. Анализ категорий специально посвящена его трансцендентальная аналитика. Без исследования категорий и выполняемых ими функций (а также возможностей, механизмов и границ их применения в познавательной деятельности субъекта) была бы невозможна и его трансцендентальная диалектика. Ведь космологические идеи разума, побуждающие рассудок выходить за пределы опыта и неизбежно приводящие к возникновению антиномий, суть, по Канту, не что иное, как те же категории, но «расширенные до безусловного» (3, 392). Анализ этих вопросов является также необходимой предпосылкой для последующего перехода от теоретического (познавательного, спекулятивного) к практическому применению категорий, к исследованию проблем этики, а затем и эстетики. Во-вторых — решающим вкладом, который был сделан Кантом в разработку теории категорий. И в-третьих, тем, что достигнутые им здесь результаты имеют не только историческое, но и — в соответствующем переосмыслении — все более возрастающее современное значение. Так, например, интенсивное развитие современной науки все более настоятельно выдвигает